

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ
И ДЕМОГРАФИИ
РОССИИ**

Выпуск II

**Москва
2013**

«...И ДО РИМА ПРОИДЕ»:
ОТНОШЕНИЕ К ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
В ЛЕТОПИСАНИИ XI – НАЧАЛА XII В.

Одним из ключевых тезисов современной научной космологии является, несомненно, идея о том, что время и пространство неоднородны и могут искажаться под воздействием гравитации крупных объектов, таких, как звезды или планеты. Однако рассмотренное в человеческом измерении пространство не казалось однородным уже в Средние века. Оно словно бы уплотнялось в метрополиях и/или вблизи религиозных святынь и истончалось по мере углубления в неизвестные страны, в которых не было уже надежных ориентиров и которые поэтому становились опасными, причем опасности, поджидавшие путешественника вдали от его родной земли, могли быть как физическими (встреча с враждебно настроенными туземцами), так и духовными (утрата истинной веры или непоправимое осквернение из-за неизбежного *in partibus infidelis* нарушения обрядовых установлений). «Географическое путешествие», писал по этому поводу Ю.М. Лотман, было одновременно и «перемещением по “карте” религиозно-моральных систем»¹.

При этом сакральная география изменялась, как изменялись и представления о мире в целом. В частности, рассказывая под 6604 (1096) г. о нечистых народах, заточенных в северных горах, летописец ссылается на легенду о стене Гога и Магога, известную ему по Откровению Мефодия Патарского: «си суть людье заклепении Александромъ Македонскимъ цесаремъ, якоже сказаетъ о нихъ Мефоди, папа римский, [глаголя: “Александръ царь макидонский] и взиде на восточныя страны до моря, наричаемое Солгыче мѣсто и видѣ ту челоувѣкы нечистыя от племени Нелфетова, ихже нечистоту видѣвъ — ядыху скверну всяку, комары и мухы, коткы, змиѣ и мертвецъ не

погрѣбаху, но ядыху, и женьскыя изворогы, и скоты вся нечистыя, — то видѣвъ, Александръ убоися, еда како [умножаться и] осквернять землю, и [загна ихъ на] полунощныя страны и горы высокия, [и], Богу повелѣвшю, ступишася о нихъ [горы великия], токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть, и ту створишася врата мѣдяна и помазашася сунклитомъ, и, аще хотять огнемъ взяти, ни възмогутъ [ни огнемъ могутъ] ижеши, вещь бо сунклитова сица е: ни огонь можетъ вжещи его, ни желѣзо его приметъ”»². Однако локализация стены Гога и Магога на Северном Урале (поддерживаемая, кстати, многими арабскими авторами) не была единственно возможной. Другие известия арабских путешественников связывают этот объект с ущельями Кавказа или даже с Великой Китайской стеной³. Хочется думать, что граница между святым и сатанинским смещалась по мере накопления знаний об окружающем мире, но «мифологические» сведения о пленниках северной горы сопровождаются вполне реалистической (и скорее всего — достоверной) ссылкой на новгородских сборщиков дани (1, 234, 235). Эмпирика не исключала мистики, а поддерживала ее. В плане методологии сказанное означает, что необходимым фоном для исторической географии является семиотика пространства.

Понятно, что колоссальная изменчивость человеческих воззрений не позволяет оперировать общими представлениями о «средневековом/архаическом/религиозном мировосприятии» как целом. Современному интерпретатору необходимо точно знать, на какую из множества возможных моделей ойкумены ориентировался каждый конкретный книжник. Но понятно и то, что наше представление о круге чтения древнерусских авторов далеко от полноты, а их опыты саморефлексии несовершенны и носят отрывочный характер⁴. Многие значимые для древнерусской культуры представления так и остались в рамках устной традиции. В такой ситуации принципиально важно учесть и интерпретировать каждое упоминание каждого из известных нашим предкам географических объектов, чтобы отрывочность и нечеткость изложения, характерная для изучаемых источников, компенсировалась систематичностью исследовательского подхода. Идея составления, скажем так, тезау-

руса древнерусской географии обсуждается уже давно, причем как филологами, так и историками⁵. Осуществление такого проекта требует масштабной кооперации широкого круга ученых. Предлагаемые далее заметки ни в какой мере не претендуют на полноту и касаются лишь одного частного вопроса (обсуждение которого, впрочем, представляется особенно важным в силу его созвучия с некоторыми весьма острыми проблемами современности). Это вопрос об отношении Древней Руси к Западной Европе, а еще точнее – к странам латинского обряда, приверженность которому была в рассматриваемое время тем основным, что делало «запад» – «Западом», то есть не просто стороной света, а значимой категорией культуры.

В общем, можно согласиться с А.С. Деминым, когда он пишет, что «западная тематика в Повести временных лет не отличалась ни разнообразием, ни глубиной»⁶. Страны Западной Европы упоминаются, может, и не редко⁷, но Запад несомненно не был в изложении летописцев ключевым направлением международных отношений Древней Руси. Первое место по частоте употребления этнонимов и хоронимов принадлежит степнякам: половцам в статьях за вторую половину XI в., а применительно к более раннему времени – печенегам⁸. В то же время, даже разрозненных суждений книжников о Западной Европе оказывается достаточно для того, чтобы говорить о некоторых тенденциях в отношении к европейцам и «латинской вере».

Прежде всего, не представляется возможным принять позицию Н.И. Толстого, который утверждал, что «в летописях <...> ничего не говорится о разделении церквей, о православном и католическом вероисповедании и о какой-либо дифференциации этноса по этому признаку»⁹. В рассказах 6494 (986) г. о проповедниках у Владимира и 6495 (987) г. об испытании религий упоминается о двух конфессиях – «греческой» и «немецкой» или «римской»: «Слышахомъ же и се, яко приходиша от Рима поучить васъ к вѣрѣ своей, ихъже вѣра маломъ с нами развѣрачена, служить бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъже Богъ не преда, но пове[лѣ] хлѣбомъ служити и преда апостоломъ. Приемъ хлѣбъ, [рече]: “Се есть тѣло мое, ломимое за вы”. Также и чашю приемъ, рече: “Се есть кровь моя новаго

завѣта”. Си же того не творять, суть не быша правили вѣрь» (1, 86, 87; ср. также: 1, 85; 1, 106, 108). А в известии 6496 (988) г. о крещении агрессивность упреков только нарастает: «Не преимаи же ученья от латынь, ихъже ученье развѣрачено, влѣзше бо въ църковь, не поклонитя иконамъ, но стоя поклонитя, и, поклонився, и напишетъ крестъ на земли и цѣлуеть, въставъ простъ, станеть на немъ нагами, да легъ цѣлуеть, а въставъ – попираеть, сего бо апостоли не предаша, предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловати и иконы предаша, Лука бо еуангелистъ, первое написавъ, посла в Римъ, якоже глаголетъ Василии, икона [на] первыи образъ приходитъ, паки же и землю глаголють матери. Да аще имъ есть земля мати, то отъць имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо таже землю, тако глаголють: “Отъче нашъ, иже еси на небеси...”. Аще ли по сихъ разуму земля есть мати, то почто плюете на матеръ свою, да сѣмо ю лобъзаете, и паки оскверняете? Сего же преже римляне не творяху, но исправливаху на всѣхъ сборѣхъ, сходящесе от Рима и от всѣхъ престоль <...> по семь же сборѣ Петръ Гутныи со инѣми, шедъ в Римъ, и престоль въсхвятивъ и развѣрати вѣру, отвергъся от престола Юрусалимьска, и Олександрьскаго, [и] Царяграда, и Онтиахискаго. Възмутиша Италию всю, сѣюще ученье свое разно, ови бо попове, одиною женою оженѣвъся, служить, а друзии, до семье жены поймаючи, служить, ихъже блостися ученья. Працають же грехи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранитъ тя от сего» (1, 114–116). Очевидно, книжники не только знали о разделении церквей, но и воспринимали это событие весьма эмоционально.

Вместе с тем, нельзя полностью согласиться и с М.А. Алпатовым, когда он пишет, что включение русского летописания в «жесточенную полемику православия с латинством» стало фатальным и увенчалось, в конце концов, возникновением непреодолимого барьера между средневековой Русью и Западной Европой¹⁰. Напротив, разделение церквей не казалось нашим книжникам фатальным и не требовало сопровождать полемическим выпадом каждое упоминание стран латинского обряда. В частности, целью путешествия апостола Андрея, описанного в «этногеографическом вступлении» к Начальной летописи,

оказывается Рим (1, 8), а сообщение 6619 (1111) г. о разгроме половцев на реке Сальнице завершается словами «и воротишася русьстии князи въ свояси съ славою великою къ своимъ людемъ, и ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ грекомъ и угромъ, и ляхомъ, и чехомъ, дондеже и до Рима проиде на славу Богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь» (2, 273)⁸. Конечно, простое упоминание папской столицы (а в апостольские времена – места служения брата Андрея, апостола Петра) не должно обязательно рассматриваться как свидетельство близости книжника к Западу и западному христианству в частности. Но сопоставление летописных упоминаний о латинянах и Риме с антилатинской полемикой в посланиях митрополита Никифора, проведенное М.Х. Алешковским, позволяет считать позицию составителя указанных фрагментов по меньшей мере нетривиальной, и, во всяком случае, идущей вразрез с линией, которую проводил сам митрополит¹¹. Видимо, книжник второго десятилетия XII в., перу которого принадлежат оба указанных фрагмента¹², целенаправленно выбирал определенную позицию по отношению к Западу и, примечательным образом, позиция эта не была позицией человека, нацеленного на конфликт.

Обращение к данным текстологии позволяет уточнить хронологию наблюдаемых изменений. В частности, рассуждение, начинающееся словами: *Не преимаи же учения от латынь*, тесно связано с рассказом о крещении Владимира в Корсуни. Эта так называемая Корсунская легенда не только кажется современному читателю избыточной¹³, но и не находит себе параллели в таком древнем по составу памятнике, как Память и похвала князю Владимиру Иакова Мниха¹⁴. Соответственно, еще А.А. Шахматов заключал, что статья 6496 (988) г. приобрела свой современный вид только при составлении Начального свода 90-х годов XI в.¹⁵ Видимо, если второе десятилетие XII в. ознаменовалось спадом антилатинских настроений у летописцев, то в 90-х годах предыдущего XI в. эти настроения достигли своего пика.

⁸ Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. – Ред.

Сложнее атрибутировать рассуждение об особенностях причастия по латинскому обряду, помещенное в составе знаменитой Речи Философа под 6494 г.

С одной стороны, рассказ о посланцах четырех религий при дворе Владимира и выступлении Философа является началом всей летописной истории о крещении. Представить себе дошедшее до нас повествование без этого эпизода трудно. В свою очередь, мысль о том, что в первоначальном тексте крещение Руси описывалось принципиально иначе, нуждается в очень основательных аргументах, найти которые будет еще сложнее. По мнению А.А. Шахматова, рассуждение об отдельных отличиях «греческой» и «латинской» веры читалось уже в составе Древнейшего свода 1037 г.¹⁶

С другой стороны, антилатинский пассаж Философа обнаруживает примечательное совпадение с высказыванием греческого проповедника, читающимся под 6496 г. и отнесенным выше к числу интерполяций, сделанных составителем Начального свода. Миссионер из статьи 6494 г. говорит о странах латинского обряда, что «ихъже вѣра маломъ с нами развращена», а катехизатор, знакомивший Владимира с основами веры после крещения, пользуется оборотом «ихъже ученье развращено». В содержательном плане два фрагмента тоже не очень далеки друг от друга (ср. присутствующую и под 6494, и под 6496 г. тему «исправления веры»). Данные обстоятельства позволяют А.А. Гиппиусу заключить, что рассуждение об оплатах представляет собой вставку, внесенную тем же летописцем, что и Корсунская легенда¹⁷. А этим летописцем, как уже отмечалось, был книжник 90-х годов XI в.

Более того, рассказывая о визите Философа своим боярам, Владимир пользуется не единственным, а множественным числом глагола, словно бы из Константинополя в Киев приезжал не один человек, а многолюдное посольство, ничем не отличавшееся от столь же многолюдных делегаций болгар, «немцев» и «хазар»: «се же послѣже придоша гръци» (1, 106). Не исключено, считает современный ученый, что в тексте Древнейшего свода фигура Философа как единоличного представителя одной из конфессий отсутствовала вовсе, а значит отсут-

ствовал и текст речи этого персонажа¹⁸. Таким образом, даже если допустить, что гипотеза об антилатинской интерполяции в рассуждениях миссионера-грека неверна, то свидетельства негативного отношения летописцев к странам западного обряда все равно придется относить не ранее, чем к 70-м годам XI в., которыми традиционно датируется первая переработка Древнейшего свода¹⁹.

В целом, позиция А.А. Гиппиуса представляется более аргументированной, чем классические рассуждения А.А. Шахматова. Во всяком случае, факт переклички антилатинских рассуждений в статьях 6494 и 6496 гг. налицо. В то же время, можно обосновать и традиционную точку зрения, согласной которой выпад против стран латинского обряда содержался уже в первоначальной версии статьи 6494 г.

Для начала нас не должно удивлять присутствие в обеих обсуждаемых статьях слова *разъвращень*. А.А. Гиппиус подчеркивает, что употребленная в Речи Философа конструкция *маломъ разъвращена* не вполне понятна («что значит немного испорчена?»), а кроме того – содержит «необычное управление глагола». Однако констатируя данную аномалию, ученый предлагает конъектуру **ихъже въра маломъ с нами различь (различьна, различьствуеть)*²⁰. Ясно, что с принятием подобной поправки (необходимость которой не вызывает сомнений) общность двух фрагментов сводится к упоминанию об «исправлении» веры, а этого явно недостаточно, чтобы считать антилатинский пассаж статьи 6494 г. вставкой летописца, работавшего в конце XI в.

Затем, следует учесть, что в речи перед боярами Владимир не просто сообщает о приходе миссии из Византии, но специально отмечает, что «греки» ругали все прочие религии: «хуляше вси законы, свои же хваляше» (1, 106). Данная оговорка прямо требует, чтобы в Речи Философа имелись некие полемические выпады против евреев, мусульман и папистов. Лексическое оформление беседы князя с византийским проповедником о разных верах также не свидетельствует о ее вставном происхождении: «новая», по оценке А.А. Гиппиуса, формула *Х же рече* вводит только рассказ Философа о евреях («Фило-

софъ же рече: “Въистину въ того вѣруемъ”») и слова Владимира о готовности послушать проповедь («Володимерь же рече: “Послушаю радь”»); в остальных трех случаях (рассказ Философа о латинянах, вопросы Владимира о евреях и о смысле воплощения Христа) используется иной порядок слов: «рече же Философъ: “Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучить васъ к вѣрѣ своей”», «рече же », «рече же Володимерь: “То что ради сниде Богъ на землю и страсть такую приа”» (1, 86, 87). Определить, какая из двух формул является в данном случае «регулярной» и «предпочтительной», практически невозможно. Еще один «новый» оборот – причастная конструкция *отъвещаваъ, рече*, вводящая одну из реплик Философа (1, 87), – в принципе очень редок (шесть вхождений на всю Начальную летопись²¹), а это позволяет легко оспорить любые выводы общего характера. Наконец, множественное число речи Владимира перед боярами примечательным образом предвосхищается множественным числом в словах самого Философа: «слышахомъ яко приходили суть болгаре, учаще тя приати вѣру свою <...> Слышахомъ же и се, яко приходиша от Рима поучить вас к вѣрѣ своей» (1, 86). Словом, отдельные свидетельства вставного происхождения и Речи Философа как целого, и рассуждений о латинянах в частности вполне уравновешены свидетельствами первоначальности обсуждаемого фрагмента в структуре статьи 6494 г.

Заслуживает внимания и то, сколь удачен пересказ завершения Речи Философа, вложенный летописцем в уста Владимира, выступающего перед боярами (см. ниже таблицу).

Можно, конечно, предположить, что книжник, вставивший в летопись Речь Философа, позаботился и о том, чтобы максимально сгладить различия между своей интерполяцией и доставшимся от предшественника основным текстом, однако подобной гипотезе противоречит все, что мы знаем о манере работы древнерусских летописцев, в огромном большинстве случаев оставлявших позднейшим читателям вполне ясные следы редакторских интервенций. Представляется, что и Речь Философа в целом, и ее антилатинский фрагмент в частности при-

существовали уже в Древнейшем своде, составленном в первой половине XI в.

Речь Философа	Слова Владимира
<p>Поставилъ же естъ Богъ единъ днь, в неже хошетъ судити, пришедь с небесе, живымъ и мертвымъ и въздати комуждо по дѣломъ его: праведнымъ – царство небесное и красоту неизреченну, веселье бес конца и не умира-ти въ вѣки, грешникомъ – мука огнена и червь неусыпая, и муцѣ не будетъ конца. Сица же будутъ мученья, иже не вѣруеть къ Богу нашему Исусу Христу: мучими будутъ в огни, иже ся не крестить (1, 105, 106).</p>	<p>...и другии свѣтъ повѣдають быти, да аще кто, дѣеть, в нашу вѣру ступитъ, то паки, умерь, [въ]станеть и не умерети ему в вѣки, аще ли в-ынъ законъ ступитъ, то на ономъ свѣтъ в огнь горѣти (1, 106).</p>

Представленные наблюдения позволяют говорить о трех основных этапах в развитии западной тематики Начальной летописи. Зарождение летописной традиции на Руси ознаменовалось осознанием религиозных различий между византийской и римской версиями христианства, конец XI в. принес с собой резкое неприятие «латинян», вера которых считалась «развращенной», однако 1110-е годы, с которыми традиционно связывают составление Повести временных лет в ее итоговой форме, стали временем относительного примирения и восстановления былого единства. Примечательным образом, прослеживаемая эволюция оказывается весьма созвучной эволюции летописания как формы: возникнув как монотематический рассказ хроникального типа с отдельными датами летопись постепенно превратилась в организованное строго по годам повествование, мало похожее на византийские исторические сочинения, но вполне сопоставимое с западноевропейскими анналами²². Очевидно, конфессиональные различия, наметившиеся после Великой схизмы 1054 г., не привели к полному прекращению культурного обмена, включая и обмен такими сложными «ин-

теллектуальными продуктами», как исторические воззрения и самосознание. Возникновение почти непреодолимой границы, разделившей Русь и Запад в послемонгольское время, не было исторически предопределено.

- ¹ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман, Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 298.
- ² Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Стб. 235, 236. Далее все ссылки на летописи по этому изданию приводятся непосредственно в тексте, в круглых скобках, причем первая цифра обозначает том, последующие – страницу или столбец. Об отношении летописи и Откровения Мефодия см. также: Истрин, В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе: исследования и тексты. М., 1897. С. 89–90; Шахматов, А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды / Институт русской литературы АН СССР, Отд. др.-рус. лит. Л., 1940. Т. 4. С. 92–104.
- ³ Обзор арабских известий о стене (башне) Йаджудж и Маджудж см.: Карпов, А.Ю. «Заклепанные человек» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 3. С. 13–19.
- ⁴ Так, в масштабном (и высоко оцениваемом исследователями; ср., например: Лихачев, Д.С. Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 121–124) «этногеографическом вступлении» к Повести временных лет держава «учителей»-греков упоминается лишь как конечная точка известного торгового пути, а главные враги Руси – жители степей – не фигурируют вовсе. Обои «пропускам» можно найти объяснение в структуре соответствующего фрагмента, но важно учитывать, что эта структура является в значительной степени оригинальной. «Не только Хроника Амартола, но и ни одно другое известное нам произведение византийского историографического жанра не начинается с традиционного этногеографического экскурса о разделении земли сыновьями Ноя», – подчеркивает И.В. Ведюшкина (Ведюшкина, И.В. Библейское предание о разделении земли в раннехристианской и византийской традиции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 1999. С. 83). Значит, составители «вступлений» не были связаны требованиями канона, и их явная неудача в описании известного им пространства вызвана тем, что древнерусские книжники начала XII в. слабо владели принципами географического описания как такового.
- ⁵ Kappeler, A. Ethnische Abgrenzung: Bemerkungen zur ostslavischen Terminologie des Mittelalters // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von G. Stökl. Stuttgart, 1986. S. 124–138; Демин, А.С. «Языци»: неславянские народы в русской литературе XI–XVIII вв. // Древнерусская литература: изображение общества. М.,

1991. С. 190–204; Древнерусская литература: восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996; Древняя Русь и Запад: науч. конф.: кн. резюме. М., 1996; Древнерусская литература: тема Запада в XIII–XV вв. М., 2002.
- ⁶ Демин, А.С. Повесть временных лет // Древнерусская литература: восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 144.
- ⁷ Ляхове упомянуты в Повести временных лет по Лаврентьевской летописи 48 раз, к чему следует прибавить еще три вхождения слова *лядьскыи* (итого 52), *варязи* фигурируют 44 раза (и 5 раз – прилагательное *варязьскыи*; всего 49), *угри* – 24 раза, *нѣмци* – 9, *чеси* – 6 (плюс одно употребление прилагательного *чешьскыи* и одно упоминание *чехини*-жены Владимира Святославича; всего 8) (Творогов, О.В. Лексический состав «Повести временных лет»: (словоуказатели и частотный словник) // Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. С. 610, 646, 656, 700, 707). Прочие народы Западной Европы интереса для книжников не представляли и упоминаются по одному-два раза максимум.
- ⁸ При слове *половци* в указателе О.В. Творогова стоит частотный индекс 72, при слове *половечьскыи* – 4, при слове *половчинь* – 2, всего 78; для обозначений печенегов частотности составляют: *печенъзи* – 55, *печенъжьскыи* – 7, *печенъзинь* – 3, *печенъжьски* – 1, всего 66 (Там же. С. 665, 669).
- ⁹ Толстой, Н.И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 445.
- ¹⁰ Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М., 1973. С. 57.
- ¹¹ Алешковский, М.Х. Повесть временных лет: судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 46, 47.
- ¹² Вставное происхождение летописных сведений о пути из варяг в греки и о путешествии апостола Андрея обнаруживается повтором слов «Поляномъ же жившимъ особъ...» (1, 7, 9), что же касается статьи 6619 г., то ее приурочение к позднему слою текста Начальной летописи определяется самой датировкой описываемых событий.
- ¹³ В той версии рассказа о крещении Руси, которая читается в древнейших летописях сегодня, Владимир дважды подходит вплотную к принятию новой веры, но не совершает последнего шага. Первая задержка (сразу после беседы с Философом) отчасти объясняется естественным для правителя желанием собрать максимум сведений: «Володимерь же положи на сердци своемъ, рекъ: “Пожду и еще мало”, хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ» (1, 106). Однако для второй остановки действия (после «испытания вер» и однозначного ответа «мудрых и смысленых» – 1, 108) видимых причин уже нет, что делает рассказ весьма сомнительным.
- ¹⁴ Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 316–327.
- ¹⁵ Шахматов, А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов, А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, ч. 1. С. 105–120; ср. также: *Его же*. Корсунская легенда о крещении Владимира // Там же. СПб., 2003. Т. 1, ч. 2. С. 305–379.
- ¹⁶ *Его же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 114, 379.
- ¹⁷ Гиппиус, А.А. Крещение Руси в Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 20, 22, 23.
- ¹⁸ Там же. С. 21, 22.
- ¹⁹ Ср.: Там же. С. 22.
- ²⁰ Там же. С. 20.
- ²¹ Перечисляются и анализируются в: Гиппиус, А.А. Рекоша дружина Игоревы: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. P. 153, 165, 177–178.
- ²² Ср. новейший опыт сопоставления летописей и анналов: Гимон, Т.В., Гиппиус, А.А. Русское летописание в свете типологических параллелей: (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. М., 2005. С. 174–200.